

В ПОИСКАХ ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ...

Трудно даже вообразить какие драмы разыгрывались в тогдашнем русско-шведском приграничье, охваченном партизанской войной. Волею судеб Карелия оказалась вовлечена в большую политику, когда граница между государствами, многократно определяемая то по факту военного захвата, то по условиям Плюсского перемирия (1583 год), Тявзинского мира (1595 год), Столбовского мира (1617 год), проходила по судьбам крестьянских семей. Основная часть Иломанского погоста вместе с территорией Корельского уезда в итоге отошла к Швеции. Реболы с округой остались в составе России.

Полагают, что основная масса карелов ушла тогда из Корельского уезда, оккупированного шведами, в Россию. Известный историк И. П. Шакольский не сомневался, что уже в 1585 году лишь один из каждых семи дворов в Приладожье был заселен, 3000 дворов стояли пустыми, то есть их покинули жители, и только в 554-х оставались их хозяева³⁹. Соломенский погост на восточном берегу Ладожского озера оставался совершенно безлюдным почти до конца XVI века.

Источники свидетельствуют о том, что немало карельских переселенцев, вынужденных покинуть отчий край, приходили на Олонец и далее на южное побережье Онежского озера на протяжении первых десятилетий XVII века. Позднее - во второй половине XVII столетия - они массами продвигались еще далее - в центральные районы России, образуя ядро будущей Тверской Карелии.

Несомненно, однако, что отток населения с Карельского перешейка начался ранее. Экономическая ситуация здесь чрезвычайно ухудшилась уже к 60-70-м годам XVI столетия в силу целого ряда причин, не последней из которых предстает непродуманная политика царя Ивана IV⁴⁰. Видный русский историк Д. Я. Самоквасов был уверен, что реформа местного самоуправления, осуществленная здесь в 1556 году, самым плачевным образом отразилась на экономическом состоянии местных крестьян. "Излюбленные головы"* , в чьей бесконтрольной власти оказались не только административное управление и суд, но также раскладка и сбор царского оброка, грабили их без стыда и совести⁴¹.

* Излюбленный голова - в России XVI в. выборный, избранный для исполнения каких-либо обязанностей, временных поручений.

А еще позднее Иван Грозный, не веря, что этот некогда благословенный край не в состоянии платить налоги в прежнем объеме, посылает сюда своих опричников. Правеж* недоимок, сопровождавшийся большими жестокостями, о чем многократно свидетельствуют скупые на подробности наши документы, привел к запустению многих и многих хозяйств крестьян-карелов, живших здесь с незапамятных времен. И они стали уходить. Одним из наиболее вероятных мест, куда устремлялись покидавшие родные деревни карельские переселенцы в те времена, могла быть именно эта - северо-восточная часть Корельского уезда - дальний, еще в значительной мере не заселенный Иломанский погост.

Старик из Салтовоары. С рис. Луиса Спарре, 1892 г.

И действительно, Реболы с округой, первое упоминание о которых находим в материалах обыска Федора Калитина, который в 1571 году, идя от деревни к деревне, сравнивал тяжелейшую хозяйственную ситуацию в погостах на Карельском перешейке с зафиксированной здесь ранее - описаниями первой половины столетия, производили впечатление “земли обетованной”. Как свидетельствует документ, “Ребольская слобода” была едва ли не единственным местом во всей Передней и Задней Кореле, где население полностью сохранило платежеспособность⁴².

Характерно само именование Ребол “слободой” - крайне редкий термин в наших источниках. Несомненно, наличие этого особенного определения в налоговом документе уже само по себе является свидетельством особого статуса жителей этой части Корельского уезда, процесс включения которой в зону активного земледельческого хозяйства как раз в самом разгаре. Возможно, это каким-то образом связано и с традиционной приверженностью карелов к занятиям торговлей. Слободами в России как правило именовали ремесленно-торговые окраины городов. Вообще же, на древне-русском языке “слобода” - не что иное как “поселение свободных земледельцев”⁴³.

*Правеж - в России XVI-XVII вв. взыскивание (денег, налогов, долгов); поборы, нередко сопровождавшиеся насилием над несостоятельными должниками.

Свидетельства источников позволяют утверждать, что население двинулось из Приладожья на север буквально сразу после реформы местного самоуправления. В числе этих первых переселенцев, как бы предвосхитивших трагические судьбы народа, которому предстоит пережить растянувшиеся на многие десятилетия поиски новой отчизны, по-видимому, были и родовитые карельские семьи - потомки местной средневековой знати, "пяти родов карельских детей", как именуют их наши документы. Их древнее традиционное землевладение почти исчезло уже повсюду, кроме Приладожья, да и тут уже чрезвычайно раздроблено в результате многократных семейных разделов. Оно прослеживается в источниках первой половины XVI века только на уровне своеземцев*, часто по состоятельности мало отличимых от окрестных крестьян. Уходя на север, в места, куда новгородская колонизация еще по существу не проникла, они вполне могли выговорить себе какие-то особые права и статус "слободы", чрезвычайно важный в обстановке все возрастающих закрепостительных тенденций.

В контексте этих размышлений особенное значение приобретает предположение Хейкки Киркинена о том, что самый известный из древних карельских родов - Рокульские (Roukkulan suku) - дал название деревне Ровколы (Rokkulan kylä), как раз и расположенной в окрестностях Ребол44.

В то время как по сравнению с началом XVI столетия обыском Федора Калитина в 1571 году в Кирияжском погосте (под властью Швеции в составе будущего Кексгольмского лена он разделится на четыре волости: Uukuniemi, Kurkijoki, Joukio, Tiurala) зафиксировано запустение почти 94% пашенных угодий; в Сердовольском (соответственно: Suojarvi, Suistamo, Sortavala, Kitee) - более 94%; в Иломанском (Pielisjarvi, Liperi, Ilomantsi, Tohmajarvi, Palkjarvi) и Соломенском (Salmi) - около 96%⁴⁵, ребольские крестьяне по-прежнему платят со своего лука** и оброк (4 алтына и 4 денги), и обожную дань (5 денег), и многочисленные пошлыны⁴⁶. Согласно ремарке того же Федора Калитина впервые Реболы как починок, то есть новое поселение на вновь расчищенном от леса участке, были зафиксированы в описании Ависа Лопухина. Как удалось установить, оно датируется 1559 годом. Тогда же появились - "сели жить крестьяне на черном лесу" - Ровкоозеро (Ровколы) и Либелицкая слободка (Липери).

* Своеземец - наследственный собственник земельного надела.

** Лук - в северных областях России в XVI-XVII вв. единица исчисления земельных, сенокосных, рыболовных и других промысловых угодий при налогообложении.

Итак, население в Реболах появляется в конце 1550-х годов. Сначала это только починок, хозяйство которого определено всего в один лук. Оно необыкновенно устойчиво и через тринадцать лет интригующе именуется слободой. Еще через без малого двадцать лет Реболы с округой заметно выделяются на общем фоне упадка и разрухи, постигших Корельский уезд. Как уже упоминалось, по приблизительной, скорее всего заниженной оценке шведского чиновника, здесь в 1590 году стояло 140 домов. Это не просто много по тем временам, когда преобладающим количеством совместно плативших налоги хозяйств было от силы десять и очень редко более двух десятков. Даже в древнейшем Иломанском погосте в том же документе показано 15 дворов, в Тохмярви - 28, в Лиексе - 35. Сопоставив эти сведения, можно не сомневаться, что во второй половине XVI века в окрестности Ребол буквально устремился поток переселенцев из Приладожья.

Теперь гораздо более реалистично окрашенным предстает и отмеченный нами ранее “разнобой” в оценках расселенческой ситуации в округе Ребол и Вокнаволока и в остальных Лопских погостах. Кажется, мы не очень погрешим против исторических реалий, позволив себе предположить, что пришедшее из юго-западного Приладожья население принесло в северо-западную часть Беломорской Карелии свою, тесно связанную с земледельческим хозяйством традицию компактно устроенных деревень. Это тем более вероятно, если иметь в виду живучесть такого рода традиций в народной культуре. Например, не может не удивить любого, кто окажется в глубинке Тверской Карелии, приверженность ее жителей, давным-давно оторвавшихся от родовых устоев традиционно организованных “отчин” и “дедин”, облику домадвора. И думается, объяснение этому следует искать не только в передаваемом из поколения в поколение мастерстве и чисто строительных приемах. Чем, если не подпитываемым на уровне идентитета, самосознанием можно объяснить тот факт, что в карельских деревнях Бежецкого Верха, за тысячи километров от родного Приладожья, вдоль пыльных дорог вместо привычных глазам предков озерных просторов, в XVII, XVIII, XIX да еще и в начале XX века строили крестьяне именно “хоромы” - на высоком подклете, строго следуя принципу “под одной связью”?

Вполне вероятно, что с незапамятных времен эпические песни древнего народа постепенно концентрировались на Карельском перешейке - по мере того, как сужалась первоначально доходившая до берегов Ботнического залива их племенная территория. Мир православия, в который они

волею исторических судеб оказались вовлечены, не был столь категоричен и непреклонен в отношении бытования народного, языческого в основе своей, эпоса, как мир католический, западный. Теперь они вновь вынуждены уходить.

Как ясно из дошедших до нашего времени грамот новгородских архиепископов Макария (1534 года) и Феодосия (1548 года) как раз тогда, ближе к середине XVI столетия, и здесь начались гонения на мировоззренчески важные для местного населения языческие в основе своей обычаи и обряды. Архиепископ Макарий строжайше предписал всем священникам Водской пятины, в том числе и Корельского уезда, “скверныя молбища разоряти и истребляти, огнем жеши, а христиан ... наказывати и поучати на истинную православную Христову веру”. Посланному из Новгорода священнику Илье следовало, уничтожив “камение и древесна” - места языческих ритуалов и объекты древнего культа, “пети молебны и воду святи” и принять покаяние всех заблудших. Сопровождавшие его дети боярские Васюк Палицин и Ивашко Ошманаев должны были всех, кто не подчинится, и не раскается, хватать и доставлять в Новгород для “конечного изверженья, без милости”⁴⁷.

Несмотря на столь грозные распоряжения, как явствует из послания архиепископа Феодосия великому князю Ивану IV, еще спустя почти десять лет, в 1543 году “... по всему Поморию ... от немецкого рубежа Ливонской земли ... до рубежа свейских Немец, и во всей Корельской земли и до ... каянских Немец рубежа, и около Пелеисаго озера, и до Лексы реки ... в тех местех прельщаеми человецы от невидимаго врага диявола суще христиан, а обычая держажуся от древних прародителей”. Сетую на то, что “скверные мольбища идолские удержашася”, архиепископ поясняет, в чем суть их: “лес, и камение, и реки, и блата, источники, и горы, и холми, солнце, и месяц, и звезды, и езера, и проста рещи всеи твари поклоняюся яко богу и чтяху и жертву приношаху кровную бесом волы, и овцы, и всяк скот, и птицы”⁴⁸.

Этот же документ содержит ответ на вопрос почему столь неотложным выглядит в 1530-1540 годы в глазах церковных властей скорейшее искоренение “кумирской прелести”. На Руси начинают осознавать неостановимый характер европейской Реформации. Несмотря на присущее православию неприятие как совершенно чуждого “бесерменства”, так и не менее враждебного “латынства”, происходившие в католической Европе перемены казались более чем опасными и для православного мира. Архиепископ Феодосий пишет государю о том, что слышал он “яко немцы ...

образы святых икон огню предаваху ... и проста человека у себя держаху и почитаху, яко священника”⁴⁹.

Наряду с действительно имевшими место событиями - немалое количество вещей из церковного убранства, в том числе и иконы, подверглось уничтожению не только в Германии, но и в других европейских государствах в пылу ожесточенного противостояния, ибо протестантизм действительно отвергает иконопочитание, равно как и таинство священства, не могло не прозвучать и нечто фантастическое, но не менее убедительное для современников. Архиепископ пишет о том, что “немцы втаи дети своя закалаху”, что следует понимать как отголоски доходивших на Русь устрашающих выдумок о якобы имевших место в реформированной церкви человеческих жертвоприношениях.

Понятно, что предписываемые вновь, теперь уже Феодосием, меры по пресечению языческих ритуалов, носят еще более жесткий характер. Следовало “собираяся купно всем единодушно и тщательно ... в селех и деревнях и в лесех скверные молбища, камение и дрeвеса везде разоряти и истребляти въконец и огнем жещи”. Более того, посланные опять же из Новгорода вместе со священником Никифором дети боярские Федча Прокофьев и Сенка Мартьянов должны были в обязательном порядке “изо всякого погоста арбуев* человека по два ... и всех ослушников ... давати на крепкие поруки с записми да срочити перед собою перед архиепископа...”⁵⁰. Так что, если раньше еще можно было надеяться избежать отсылки на церковный суд с неминуемо обещанной опалой и наказанием, то теперь даже количество тех, кого следовало непременно отправить в Новгород, определено.

Безусловно, все эти гонения, вкупе с усилением налогового гнета и закрепостительными тенденциями, отразившимися во введении личной ответственности “излюбленных голов” за выплату податей в государеву казну и круговой поруки, не могли не вызвать ответной реакции в форме массовых уходов. Не выглядит случайностью и то обстоятельство, что древнейшее из описаний водно-волокового пути из Приладожья в Беломорье - через Пиелисьярви и Лексозеро - датируется именно серединой XVI века⁵¹.

Итак, в конце 1550-х и в 1560-е годы карелы уходили из Приладожья из-за ставших абсолютно бесконтрольными после реформы местного самоуправления налоговых поборов, а также, возможно, в связи с

*Арбуи - прорицатель, предсказатель, жрец; древнерусское “арбовати” означало: отправлять языческое богослужение.

ужесточением церковной политики. В 1570-е годы они бежали от опричников Ивана Грозного, разорявших их хозяйства в стремлении любой ценой получить ожидаемые царской казной подати. В 1580-1590-е годы они побегут от бед, принесенных бесчисленными вторжениями иноземцев, в значительной мере спровоцированными заметным обезлюдением этого приграничного края. Еще позднее, после перехода территории Корельского уезда под власть шведов по условиям Столбовского мирного договора 1617 года те немногие, кто еще оставался на земле предков, будут вынуждены уходить в Россию из-за притеснений шведской администрации, желавшей видеть в своих новых подданных непременно лютеран и активно преследовавших любое инакомыслие.

Юррка и Охво Малинень. Войница. А. Бернер, 1872 г.

То очевидное обстоятельство, что перемещение населения происходило довольно быстро, компактными группами и в то же время в огромных масштабах, позволяет вполне уверенно высказать идею о том, что эти карелы-переселенцы и принесли в окрестности Лексозера, Кимасозера и Куйтозера древнюю рунопевческую традицию и, живя здесь в последующие столетия, сумели ее сохранить, передавая детям и внукам.

Можем ли мы относиться как к своего рода иронии истории, ее лукавой усмешке к тому факту, что древние руны будут записаны спустя столетия здесь, на далеком - относительно юго-западного Приладожья - севере, в той именно стороне, с которой некогда народ, их создатель, олицетворял чужой, а следовательно враждебный мир Похъёлы? Разве не допустимо предположить, что жившие в передаваемых от отца к сыну, от деда к внуку полумифических сюжетах пространственно-географические ориентиры менялись в сознании народа по мере неумолимо наступавших перемен, со сменой мест обитания, с течением времени, наконец?

И разве не доказательством этому звучит первая строфа, с которой, по авторитетному свидетельству Элиаса Лённрота, хороший рунопевец в Вокнаволоцкой округе еще и в 30-е годы XIX столетия обычно начинал свою песню:

Овладело мной желанье,
 мне подсказывает разум:
 не приняться ли за песню,
 не начать ли песнопенье?
 Золотце мое, мой братец,
 мой красивый соплеменник,
 мы встречаемся не часто,
 чтобы говорить друг с другом
 в стороне суровой этой,
 на печальных землях Похьи...⁵²

В этих поэтичных, полных щемящей грусти строчках со всей определенностью звучит мотив обособленности, или воспоминание о когда-то остро осознававшейся обособленности, все еще важной в сознании народа. Само обращение: “мой красивый соплеменник” противопоставляет родных не только по духу, но и по облику людей, с некоторой печалью осознающих свое без сомнения вынужденное пребывание в “стороне суровой этой”. Мы-то знаем, что придя сюда в XVI веке карелы должны были занять земли, принадлежавшие ранее саамам. Последние окажутся оттесненными далее на север и северо-восток, в Приполярье и Заполярье, где спустя еще столетие, в последней трети XVII века, наши источники все еще фиксируют их переносные жилища - вежи.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ПРИГРАНИЧЬЯ

Ребольский погост, заселение которого происходило в течение второй половины XVI и в XVII веке, к концу 1670-х годов превратился в заметно более населенную территорию, чем остальные Лопские погосты. Возглавлявший переписную комиссию стрелецкий голова Иван Власов сын Старков, идя от деревни к деревне, зафиксировал в нем 343 двора, в которых проживало 1145 человек мужского пола. Только 71 из них считались бобылями*, так что хозяйственная состоятельность подавляющего большинства населявших эти северные деревни в конце 1670-х годов людей (94%) не подлежит сомнению. В то же время, согласно информации переписной книги стольника Ивана Аничкова, состав-

* Бобыль на Руси в XVI-XVII веках - человек, не имевший своей земли и не несший государственного тягла (податей).

ленной в том же 1678/79 году, в соседних Селецком, Паданском, Ругозерском, Шуезерском, Панозерском, Семчезерском и Линдозерском погостах вместе взятых было 1163 двора и проживало 4237 человек мужского пола. Одного взгляда на карту (рис. 1) достаточно, чтобы увидеть: территория Ребольского погоста соотносима с территорией остальных Лопских погостов в целом в приблизительной пропорции 1:8. В то же время здесь в конце 1670-х годов - почти 24% - четвертая часть от общего количества дворов, стоявших в последней трети XVII столетия во всех восьми Лопских погостах, и больше чем пятая часть населения. Любопытно отметить также, что показатели средней населенности двора в окрестностях Ребол и Вокнаволока были заметно ниже (6.7), чем в остальной части региона (7.7).

На самую раннюю карту поселений Вокнаволоцкой волости, если принимать в расчет лишь документально подтверждаемые данные, мы могли бы нанести кроме самого Вокнаволока, еще только четыре деревни - Ладвозеро, Ювялакшу, Ухту и Войницу. Найдя их на схеме, в основе которой карта XIX века, видим, что они выглядели достаточно одиночными (рис. 3). Однако на протяжении двух столетий: с последней трети XVII до середины XIX века ситуация не оставалась неизменной.

Несмотря на то, что здесь на севере условия хозяйствования никогда не были особенно благоприятными: челобитные, поступавшие в центральные органы власти в XVIII столетии с просьбами снизить налоги - "подушные деньги" - полны красноречивых жалоб на "хлебные недороды" из-за многочисленных дождей, на утрату по той же причине сенных покосов, на бескормицу и падежи скота; несмотря даже на то, что этот приграничный район неоднократно подвергался нападениям из-за близкого рубежа, в интересующие нас времена здесь возникло немало новых поселений.

Размышляя о судьбах родной деревни Пертуненов - Ладвозера - Матти Пёлля обратил внимание на то, что она запустевала на какой-то период времени. Он объясняет отсутствие упоминаний об этой деревне в документах первой половины XVIII века тем, что весной 1718 года ее, должно быть, сожгли люди майора Энберга⁵³. Заметим, что по свидетельству осенью того же года составленного документа - описания Михаила Матюшкина - по крайней мере, один двор в ней уцелел. Добавим, что тогда же временно исчезла из наших документов и расположенная южнее, не входившая в Вокнаволоцкую волость, Бабыя Губа, чтобы точно так же появиться впоследствии как "новопосе-

ленная” наряду с Нимагубой. То же произошло с деревней Контокки. В этой связи любопытно отметить, что Вокнаволоок, о разорении которого майор Энберг докладывал лично, все это время продолжал существовать. Хотя материалы первой ревизии не содержат каких-либо дополнительных комментариев, однако они безусловно свидетельствуют о крайнем драматизме ситуации. В самом Вокнаволоке, согласно поданной старостой Яковом Никитиным “скаске”, в 1720 году осталось всего семеро мужчин, включая и детей. Окрестные деревни даже не упомянуты. Уцелели только отдаленные Елетозеро и Кестеньга, в которых перечислены по именам соответственно пять и один человек⁵⁴.

Населению этого края пришлось пережить ужасы неожиданного набега из-за рубежа и в самом начале 1740-х годов. Как было сообщено в Сенат из Новгородской губернской канцелярии, в июле и августе 1742 года пришли из Лиексы и Иломанси “финские обыватели Орлей Туруев и Старван Пардаев с товарищи двумя трактами до ста человек с ружьем” и десять деревень разорили и выжгли, хлеб посеянный в полях истоптали, а скот свезли с собой в Финляндию. Трех местных жителей финны “убили до смерти, а прочие от того страха с женами сошли безвестно”*. Приводимые чиновником в 1743 году со слов местных крестьян цифры более чем красноречивы: “в Ругозерском, Шуезерском, Панозерском и Ребольском погостах наличных мужеска полу только 508 душ... после переписи [имеется в виду I ревизия 1720-1726 годов - И. Ч.] померло 482, в рекруты взято 83, сошло безвестно 490”⁵⁵.

И тем не менее, в 1745 году документально зафиксированы деревни Кенясозеро и Регозеро, которых не было в перечне предыдущей - первой - ревизии⁵⁶. Ко времени проведения III ревизии (1762-1763 годы) в этой северной части Ребольского погоста появилось еще несколько именуемых “вновь поселенными” деревень: Ладвозеро, Каменное Озеро, Вирдала, Поньгогуба, Сенное Озеро⁵⁷. Целый ряд новых деревень возникает здесь и к моменту проведения следующей - IV ревизии (1782 год): Цена Наволок (Ченаниеми), Пертигуба, Мелкая Губа, Хлебный Наволок. Ко времени же путешествий Лённрота - к 1830-40-м годам количество поселений еще увеличилось: появились Вожесалма, Шариезеро и Ливорека⁵⁸.

Будучи нанесенными на карту в виде диаграмм, отражающих численность населения на разных этапах существования наших деревень, све-

* Благодарю Максима Пулькина за то, что он обратил мое внимание на этот документ во время совместных занятий в РГАДА в сентябре 1997 года.

дения из переписных книг, ревизских сказок и духовных росписей формируют почти зрительное представление о развитии демографической ситуации в регионе в интересующие нас времена: с 1670-х по 1840-е годы (рис. 4). Мы видим, что становление поселений вовсе не отличалось синхронностью.

Одни из них, будучи в конце XVII столетия совсем незначительными, заметно выросли и стали доминировать, как, например, Вокнаволоок, где население увеличилось в семь раз: с 60-ти до 434-х человек. Вокнаволоок превратился в одно из наиболее крупных поселений региона много ранее, чем здесь появился Лённрот. Уже в 80-е годы XVIII века в нем проживало более 170 человек. Столь же значительной была и вторая из двух самых больших в те времена деревень - Ухта. Но, в отличие от Вокнаволока, ее развитие шло на спад. Двадцать лет назад - в начале 60-х годов XVIII века - в Ухте, уже давно одном из самых значительных поселений в этой части Карелии, проживали 201 человек. Тогда она уступала по количеству жителей только Кимасозеру, где оказалось зафиксировано 215 человек. Теперь же здесь на 13% меньше, а еще через полвека, в конце 1830-х годов - наполовину меньше, чем в 1762 году. Похожая судьба и у Ребол. Из самой большой деревни, каковой были Реболы на сто лет раньше, чем Ухта, - в 1678 году, она к середине XIX века превратилась в одну из средних по размерам. Население здесь уменьшилось за полтора столетия с 234-х до 107-ми человек.

Уверенно по восходящей, несмотря на пережитое в начале XVIII века разорение, продолжали развиваться лишь Вокнаволоок и Ладвозеро. Во всех других населенных пунктах Вокнаволоцкой округи демографическая ситуация складывалась еще более драматично. Убыль населения в целом ряде деревень Ребольского погоста происходила не однажды. О перенесенных местными жителями в 1710-х и 1730-1740-х годах потрясениях свидетельствуют вышеприведенная цитата из документа и жалобы местных жителей, отразившиеся в челобитных и в делах по их расследованию. Как явствует из предпринятого нами анализа источников, население здесь заметно уменьшилось и между 1762-м и 1782-м годами, особенно в Кимасозере, в Ухте, в самих Реболах. Та же тенденция прослеживается по Ногеуксе, Миноярви, Поньгогубе, Контокки. Зато выросли за тот же период, пусть не слишком значительно, Бабя Губа, Костомукша, Омеляновская, Ладвозеро, Войница. В целом же за два столетия население в большей или меньшей степени возросло во всех поселениях региона за исключением, пожалуй, лишь Ювялахты, да и то есть сомнения в полноте данных, которые имеются в нашем рас-

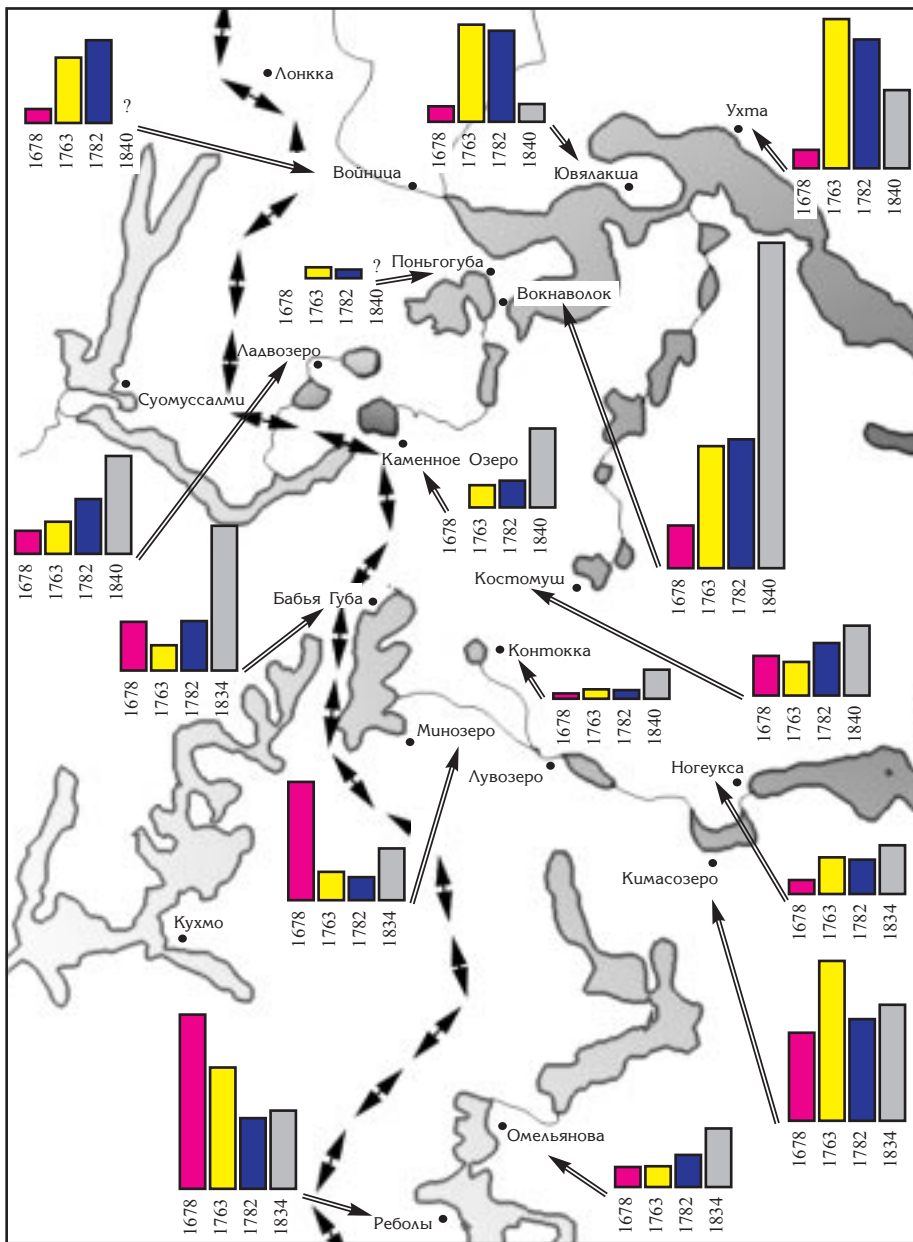

Рис. 4. Динамика численности населения в деревнях Ребольского погоста в XVII-XIX веках.

поряжении за конец 1830-х годов*. К тому же, не следует забывать, что мы имеем дело с разнотипными источниками. Репрезентативность духовных росписей не абсолютно ясна.

Конкретные сведения о демографическом развитии деревень Ребольского погоста содержит приводимая ниже таблица 1, которая является своего рода “ключом” к диаграммам на рис. 4. Поясним, что в квадратные скобки заключены цифры, полученные путем удвоения известного по переписной книге количества мужчин - левая колонка в ряду под

Таблица 1

**Численность населения в деревнях Ребольского погоста
в XVII - XIX веках**

Название поселения	Количество жителей			
	1678 год	1763 год	1782 год	1839 год
Вокнаволок (Vuokkiniemi)	30 [60]	165	174	434
Ладвозеро (Latvajärvi)	17 [34]	46	76	133
Ювялакша (Jyväskylä)	12 [24]	132	124	27
Ухта (Uhtua)	14 [28]	201	174	107
Лонкка (Lonkka)	-	-	-	?
Ченаниеми (Tsena)	-	-	10	27
Войница (Vuonninen)	11 [22]	90	113	?
Конттокка (Kontokki)	5 [10]	16	15	42
Костомуш (Kostamus)	28 [56]	48	73	96
Бабья Губа (Akonlahti)	34 [68]	37	69	195
Каменное Озеро (Kivijärvi)	-	33	39	108
Поньгогуба (Ponkalahti)	-	18	15	?
Ногеукса (Nokeus)	11 [22]	52	49	68
Миозеро (Miinojärvi)	80 [160]	41	34	72
Кимасозеро (Kimasjärvi)	60 [120]	215	138	157
Омельянова (Omelia)	15 [30]	31	46	81
Реболы (Repola)	117 [234]	164	97	107
Лувозеро (Luvajärvi)	25 [50]	89	71	?
Итого	459 [918]	1378	1317	1654

*Я очень признательна коллегам из университета Йозенсу профессору Антеро Хейккине-ну и доценту Тапио Хямюнену за предоставленную возможность изучить ксерокопии духовных росписей и исповедных ведомостей Ребольского погоста за 1793, 1840 и 1910 годы из ГААО.

1678 годом. Поскольку имена женщин в те времена, в соответствии с традициями российского кадастрового делопроизводства, в переписные книги не вносились, нам пришлось это сделать, чтобы получить данные, пусть приблизительные, но сопоставимые с более поздними характеристиками населенности деревень. Женские имена впервые появятся в наших документах почти сто лет спустя - в материалах III ревизии (1762 год).

Итак, наши источники позволяют констатировать довольно заметный общий рост населения: в вышеперечисленных деревнях оно возросло за период с 1670-х по 1830-е годы почти в два раза. Хотя это и не исчерпывающие данные для региона в целом, но тенденцию развития демографической ситуации они отражают вполне достоверно.

Более всего, однако, обращает на себя внимание тот факт, что населенность этого края выросла наиболее значительно - в полтора раза - между 1670-ми и 1760-ми годами. Возможна ли хоть сколько-то уверенная констатация во времени с точностью до двух-трех десятилетий когда именно это произошло? В поисках ответа на этот немаловажный вопрос проанализируем сведения из известных нам источников.

ВЫЖИТЬ НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО!

Сравнив общую численность крестьянских дворов в семи Лопских погостах по данным за конец XVI, 70-е годы XVII и начало XVIII века, убеждаемся, что с 1590-х до 1670-х годов - за 80 лет - количество жилых дворов здесь заметно увеличилось с 727 до 1163 (на 60%) (рис. 5). Для создания более адекватного представления о населенности этой части Карелии в XVII веке важно заметить, что в конце 1670-х годов дворы крестьян Лопских погостов (без Ребольского) составляли менее десятой части в общей численности крестьянских дворов Олонецкого края (1163 из более чем 12-ти тысяч)*.

Несмотря на столь значительный рост населенности региона в XVII столетии, плотность населения здесь в конце 1670-х годов близка к эфемерной величине - около 0.2 человека на квадратный километр. В контексте этого замечания настоящей демографической катастрофой выглядит ситуация, наступившая менее чем через три десятилетия. По данным переписной книги 1707 года количество жилых дворов составило

* С учетом восьмого - Ребольского погоста, не относившегося тогда к Олонецкому уезду, доля крестьянских дворов в этой части региона заметно возрастает и должна была составлять не менее 12%.

в семи Лопских погостах всего 732, то есть сократилось до уровня конца XVI века. И это бы не выглядело столь удручающе, если бы не было очевидно из ретроспективно отраженной в источнике, уже минувшей к моменту проведения переписи исторической реальности, что общая численность дворов здесь в промежутке между 1678 и 1707 годами успела увеличиться до 1287-ми, но теперь более чем значительная их часть - 556 (43%) - стоит "впусте". Следуя общепринятым методикам подсчетов можно думать, что в Лопских погостах было не менее восьми тысяч

жителей в 1678 году и не более четырех тысяч - в 1707 году. Нет оснований не доверять выявленному факту, тем более, что подобное резкое падение численности населения за тот же период времени мы наблюдаем и в сопредельных Заонежских погостах, в частности, в Прионежье⁵⁹.

В стремлении найти достоверные объяснения имевшему место на рубеже XVII - XVIII столетий демографическому спаду обратимся к анализу причин, указанных самими обитателями этих мест, вынужденных в ответ на более чем настойчивые расспросы прибывших из центра в 1707 году чиновников не только вспомнить поименно всех соседей, по каким-то причинам покинувших родные деревни на протяжении двух последних десятилетий, но и дать объяснения в каждом конкретном случае почему запустело то или иное хозяйство. В Москве, безусловно, были весьма обеспокоены. И не только сбой в поступлении налогов, не только чрезвычайный поток челобитных с жалобами на невозможность платить подати за всех некогда внесенных в переписные книги односельчан вызвали это беспокойство. Нельзя было допустить - это

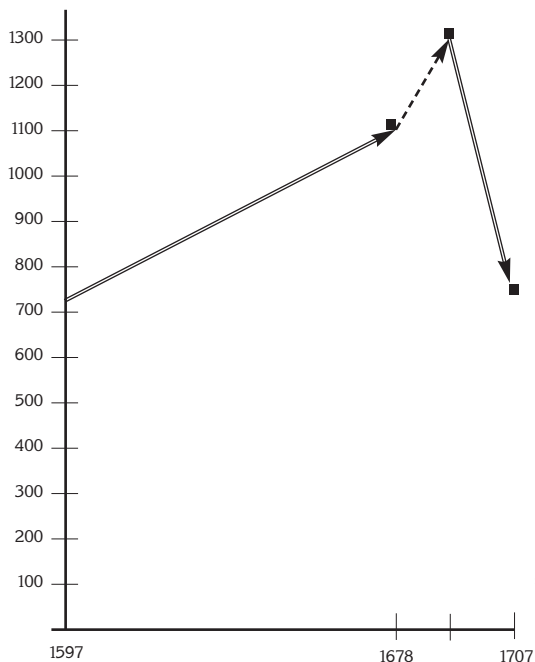

Рис. 5. Динамика численности дворов в Лопских погостах в конце XVI - начале XVII века (без Ребольского погоста).

традиционно признавалось весьма опасным - обезлюдения приграничного региона. А оно становилось все более очевидным.

Анализ объяснений показал, что наиболее значительной - более половины в общем объеме запустевших крестьянских хозяйств - предстает доля покинувших деревенские участки из-за "хлебной скудости". В переводе с достаточно условного языка источника это означает не что иное, как регулярные, в течение ряда лет, неурожаи, приводившие к невозможности прокормиться со своего деревенского участка. Крестьяне жалуются в многочисленных челобитных, что им "тягло платить нечим", потому что преследует их северное, и так не слишком продуктивное земледелие, "хлебная зябеть".

О близких к природному катаклизму засухам 1690-х годов, сопровождавшихся целым рядом дождливых лет, приведших к великому голоду на северо-западе России, сообщает авторитетное отечественное издание, основанное на скрупулезном выявлении по летописям и другим источникам необычайных явлений природы⁶⁰. В 1696 году зима в сопредельном регионе - на Северной Двине наступила чрезвычайно рано и отличалась жестокими морозами: около Архангельска замерзло 35 кораблей⁶¹. В следующем году Русский Север постигла дороговизна и падеж скота от бескормицы. Е. П. Борисенков и В. М. Пасецкий считают, что еще более неблагоприятной была тогда климатическая ситуация в Прибалтике и в Финляндии, что вызвало чудовищный по своим последствиям голод⁶². Это целиком и полностью согласуется с наблюдениями финляндской историографии о том, что в 1690-е годы наступило чрезвычайное похолодание климата. Исследователи констатируют, что большое количество людей умерло от заразных болезней⁶³. Год же 1696-й вообще вошел в историю как "год смерти".

И для Олонецкой Карелии это были не менее тяжелые времена. О том, что засухи не обошли ее стороной свидетельствуют несколько известных нам фактов. В 1694 году сгорели во время грозы обе церкви на Кижском погосте⁶⁴. Тогда же, жарким летом 1694 года в огне погибли чудом уцелевшие при прошлом пожаре 1691 года крестьянские дворы деревни Суйсарь на острове⁶⁵. Значительную часть запустений крестьянских хозяйств, доля которых достигала не менее трети, а по некоторым местностям Заонежских и Лопских погостов была даже большей, чиновники, прибывшие сюда для выявления реальной картины платежеспособности населения в 1707 году, фиксируя звучавшие объяснения односельчан, связывали с "хлебной скудостью", а также с по-

жарами “от молнии”, с результате которых “дворы сгорели, а хозяева с детьми сошли безвестно”⁶⁶.

На втором по частоте упоминаний месте ситуации, связанные с реформой Русской Православной церкви, не обошедшие, а может быть, даже наоборот, особенно сильно преломившиеся в судьбах простых крестьян здесь, в дальней северной глубинке. Обитатели более чем десятой части запустевших дворов “сошли с семьями и с пожитками в раскол”. Каждый пятый из них уже погиб “в прошлых годех” в чудовищном огне Березовской гари - одной из случившихся в Олонецком крае в самом конце XVII века и унесших жизни нескольких тысяч местных крестьян.

Нельзя не обратить внимания и на специфические, характерные для приграничного региона, причины запустений. В целом ряде случаев деревни приходили в упадок в результате нападений - локальных военных походов из-за близкого рубежа. Не менее десятой части дворов, по свидетельству наших источников, запустели после того, как их “неприятельские швецкие люди пожгли без остатку”. Жители разоренных поселений оказывались обречены на скитальчество и батрачество за кусок хлеба, они разбредались по всему российскому северо-западу, вплоть до Архангельска, а иногда бывали уведены даже в плен на чужбину.

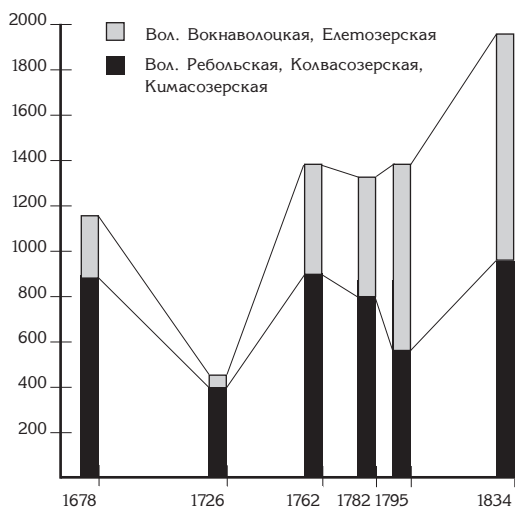
Итак, будучи сгруппированы и распределены в порядке частоты упоминаний, причины эти складываются во вполне объективную картину и определенно свидетельствуют не только о природных, но и о социальных катаклизмах, в которые оказались вовлечены крестьяне Селецкого, Паданского, Ругозерского, Шуезерского, Панозерского, Семчезерского и Линдозерского погостов в конце XVII - начале XVIII века. Вряд ли целесообразно предполагать, что в Ребольском погосте, данными по которому за последнее десятилетие XVII - первое десятилетие XVIII века мы, к сожалению, не располагаем, демографическая ситуация развивалась в это время как-либо кардинально иначе. К тому же, общая тенденция и здесь достоверно уловима - в сравнении сведений из источников 1670-х и 1720-х годов. Они вполне сопоставимы, ибо и переписная книга, и ревизские сказки учитывали только мужское население, начиная с младенческого возраста.

Будучи представленной графически (рис. 6), численность населения мужского пола в Ребольском погосте на протяжении последней трети XVII - первой трети XIX столетий, позволяет с очевидностью выявить тенденцию опережающего развития северной части погоста - Вокнаво-

лоцкой и Елетозерской волостей. В то время как численность мужского населения в остальных волостях погоста заметно колебалась и в целом увеличилась совсем не намного (с 886 до 954 человек), в деревнях, расположенных по берегам Куйтозера, Пяозера и Топозера, она неизменно возрастала и в целом увеличилась за два столетия почти в четыре раза (с 259 до 974 человек). Лишь один спад - притом катастрофический по масштабам - приходится как раз на период, о котором мы ведем речь - рубеж XVII - XVIII столетий. Чтобы исключить вполне вероятное недоверие к столь значительным перепадам цифр, предпримем источниковедческий анализ.

При более пристальном ознакомлении с материалами первой ревизии становится очевидным, что вокнаволоцкий староста Яков Никитин, несмотря на строжайшие предписания и включенную в преамбулу документа клятву перечислить всех "по самой истине, безо всякой утайки" никого не пропуская, поступил так же, как повсюду в Карелии, да и в России в целом, поступили все ответственные за сбор первичных сведений о населении в 1719-1720 годах. Правительство собирало информацию обо всех жителях мужского пола для перевода системы подворного обложения государственными налогами на подушное обложение. Как стало ясно властям совсем скоро, повсеместно были поданы далеко не полные сведения об односельчанах. "А ежели кем обличен явлюсь, то повинен смертной казни безо всякого милосердия" - клялся ничтоже сумняшеся каждый из старост Лопских погостов, что не помешало им не включить в перечни имен целые категории податного населения, например, бобылей, и пропустить целые крестьянские семейства, даже целые деревни, как это случилось, например, с деревнями Сулой и Тулосозеро в Ребольском погосте.

Рис. 6. Соотношение численности мужского населения в северной и южной частях Ребольского погоста в последней трети XVII - первой трети XIX века.

Можем ли мы вообще полагаться на переписные книги 1720-х годов, в основе которых таким образом составленные ревизские сказки? Да, но только благодаря тому, что материалы первой ревизии включают целый ряд дополнительно собранных сведений. Уже в следующем - 1721 году по требованию властей старосты подали новые - дополнительные - "доношения" со списками пропущенных ими год назад крестьян. Затем, в 1723 году, не удовлетворенное полученными сведениями и подозревавшее утайку правительство послало на места чиновников для "выявления при осмотре" так называемых "прописных", то есть, все еще не включенных в перечни, крестьян. И, наконец, еще позднее, в 1725 году, были составлены в местных канцеляриях реестры на "явившихся из бегов", то есть на тех, кто находились во всякого рода отлучках и потому оказались не включены в прежде составленные списки.

Масштабы утайки, выявленные нами по материалам первой ревизии в Ребольском погосте, действительно потрясают: при первом сборе сведений было сокрыто 278 человек из 432-х, что составляло 64% всех жителей мужского пола (рис. 7). Однако благодаря тому, что несколько раз в последующие годы собирались дополнительные данные, правительство в итоге получило если не исчерпывающе полные, то во всяком случае приближающиеся к таковым перечни тяглого населения по погостам и волостям. Когда 1721 году старостам было предложено подать дополнительные "доношения" о пропущенных, это привело к не слишком обнадеживающему результату: по Ребольскому погосту добавилось не более 5% мужских имен. Зато, как и следовало ожидать, немалое количество неучтенных налогоплательщиков удалось обнаружить "при осмотре" - личном объезде чиновниками деревень в начале февраля 1723 года (41%). Именно тогда перечни пополнились бобылями, как пашенными, так и непашенными (то есть, не имевшими деревенских угодий). Еще почти каждого пятого (18%) удалось выявить "сверх свидетельства" - за счет вернувшихся "из бегов", то есть из всякого рода отлучек, к 1726 году.

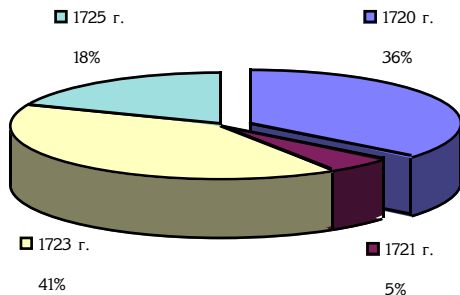

Рис. 7. Этапы выявления действительного количества населения мужского пола в ходе первой ревизии 1720-х годов.

Итак, население в Ребольском погосте не могло увеличиться сколько-нибудь заметно ни в конце XVII-го, ни в первой трети XVIII века. Не зафиксировали ничего подобного и материалы II ревизии. По-видимому, не вполне доверяя им, тогдашняя администрация предприняла составление специальных книг о так называемых “новоприбылых”. С середины 1750-х годов в Олонецком уезде регулярно два раза в год сводили в особые реестры отправляемые с мест доношения. Как показал принятый нами анализ, всего с 1754 по 1761 год в Ребольском погосте удалось выявить дополнительно 165 человек. Это те, кто по разным причинам оказались не учтены в 1720-е и в 1740-е годы. Больше всего “новоприбылых” обнаружилось в самом первом реестре за вторую половину 1754 года - 120 человек. В основном это родившиеся после предыдущей переписи. Но есть и такие, кто был показан беглым, или умершим. Так называемых “прописных”, то есть по каким-то неизвестным причинам не попавших в списки старост во время ревизий, оказалось 20 человек - каждый шестой. И только пятеро из незафиксированных ранее лиц пришли сюда из близкого зарубежья.

Кажется, можно с большой долей уверенности полагать, что выходцы из-за рубежа учтены все, ибо, как уже отмечалось выше, наши источники очень внимательны к так называемым “новокрещенам”. Переход в православие был условием приема в крестьянскую общину. В переписной книге 1678/79 года таких лиц в окрестностях Ребол оказалось учтено 5. В материалах III ревизии (1762 год) - их 26, при этом большая часть - 17 человек - в Вокнаволоцкой волости, и только 9 человек во всем остальном погосте.

Если бы среди тех, кто пришел жить на русскую сторону из-за близкой границы нам удалось найти Фому Пертуева и его сына Потапа Фомина - прадеда и деда Архиппы Перттунена, это наилучшим образом подтвердило бы общепринятую версию об истоках этого знаменитого рунепевческого рода, выводимого - согласно ее изложению Матти Пёлля - из области Оулуёки⁶⁷. Однако наши источники не оставляют места для сомнений: Потап Фомин не из числа “швецкой нации выходцев, восприявших веру греческого исповедания”. Таковых в Ладвозере трое: Алексей Михайлов, Федор Табалиев и Андрей Петров, женатые на местных девушках из Ухты и Кимасозера. Первые две семьи живут здесь уже с 1753 года, третья появилась позднее и впервые упомянута в дополнительно поданных старостой сведениях к III ревизии в декабре 1763 года.